

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

ДЖАСТИН КОЛЛ

МАСТЕР ПЕЧАЛИ

☞ МОЛЧАЛИВЫЕ БОГИ ☞
КНИГА 1

Санкт-Петербург

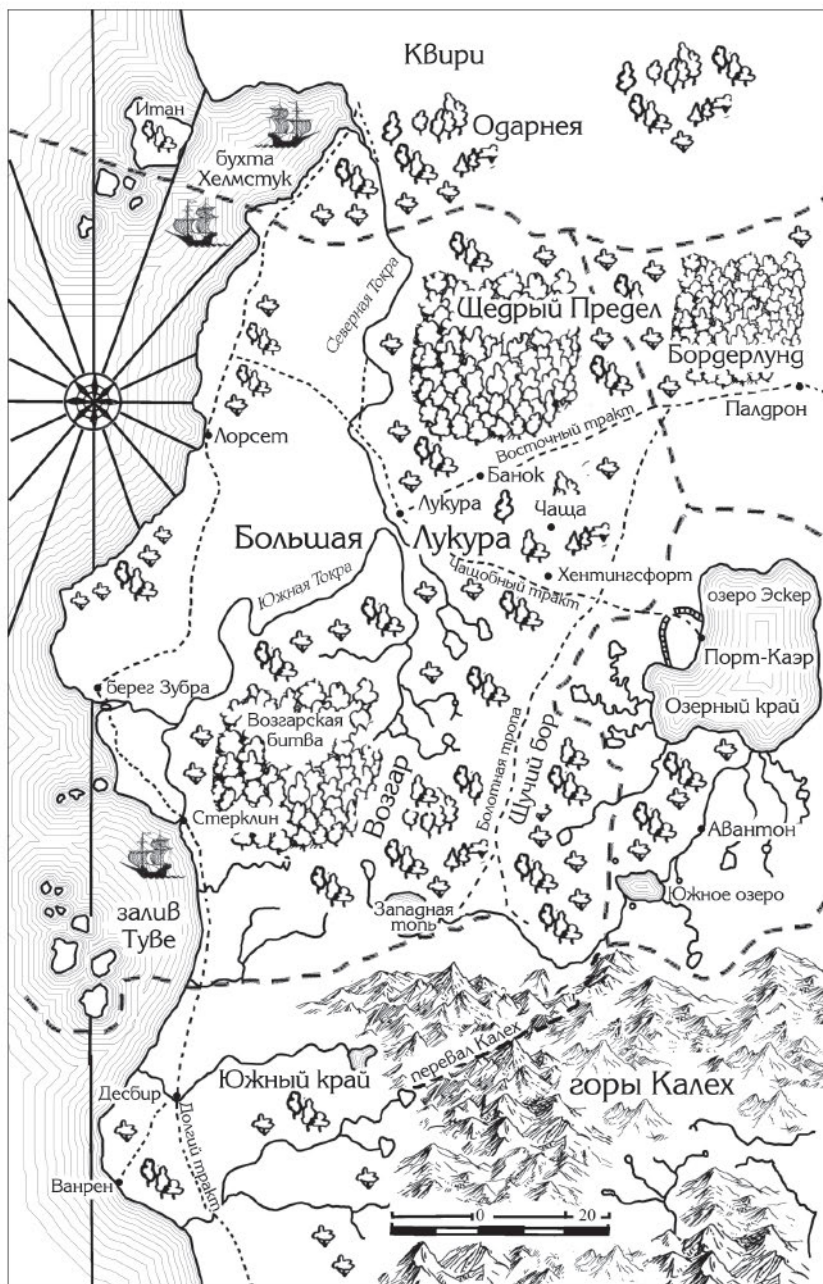
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
К 61

Justin T. Call
MASTER OF SORROWS
Copyright © Justin Travis Call, 2019
All rights reserved

Перевод с английского Екатерины Клиповой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.
Карта и рисунок выполнены Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-17564-8

© Е. И. Клипова, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Пути не зная своего,
Он проведет сквозь ночь того,
Кто притворяется заблудшим.
Его, не ведающего своей сути,
Найдет незрячая и имя назовет.
О милости прося, помилована будет
И вещие слова произнесет:
«Ты потомок богов, хоть и был среди смертных рожден,
Тебя семеро жаждут вести, их страшит твоя длань;
Бережет тебя вечный, а древний сбивает с пути,
Но увечный король тобой правит, и гнев твой сожжет
целый мир.

Ничейный сын, Сын Семи Отцов.
Мастер печали. Его воплощение.
Поющий клинок. Сорока. Феникс. Король.
Крови владыка. Кольцевая змея. Всего сущего завершение.
Горе тем, кто пробудит его, ибо он принесет им погибель,
Горе тем, кто пойдет за ним, ибо потребует он великих жертв,
Горе тем, кто встанет на пути его, ибо он сокрушит любого,
И когда пробудятся молчаливые боги, рыдайте, чада мои,
ибо грядет конец».

Сын Семи Отцов. Из Книги Терры

Пролог

Женские крики стихли, и послышался плач младенца. Наконец-то. Содар оправил складки синего одеяния и вошел в бежевый шатер следом за древним Тосаном.

Свечи еще не зажигали, и Содар прищурился, чтобы глаза привыкли к полумраку.

В углу древний Тосан беседовал со своей женой Ланой — одной из двух знающих, помогавших с родами Эген. По-видимому, Лана остановила мужа до того, как тот приблизился к матери и младенцу, и священник был ей за это благодарен: значит, он сможет хотя бы несколько мгновений побыть наедине с Эген и малышом. Содар прошел вглубь шатра и увидел вторую знающую — пожилую женщину: на ее руках, наспех завернутый в одеяло, лежал все еще мокрый младенец. Содар подавил желание закричать от радости — у Туора появился наследник! — и, храня невозмутимое выражение лица, направился к новоиспеченной матери.

Роды были тяжелыми. Эген неподвижно лежала на ковре, к ее бледному лицу липли мокрые от пота кудряшки. Пусть отдохнет, бедняжка, подумал Содар и уже собирался отойти, как вдруг в глубине души шевельнулась тревога. Что-то было не так.

«Да ведь она не дышит».

Священник бросился на колени, схватил Эген за плечи и принялся трясти, звать по имени — сначала шепотом, потом в полный голос. Мгновение спустя в его запястье вцепились скользкие от крови пальцы Ланы.

— Она мертва, брат Содар.

Содар вырвал руку и потер запястье, размазывая липкие пятна по морщинистой коже.

— Ее убило дитя?

Слова комом встали в горле. Он повернулся, чтобы взглянуть на ребенка. Тосан уже забрал его у второй знающей — костлявой старухи по имени Кельга, — но, вместо того чтобы бережно прижать новорожденного к груди, держал его на вытянутых руках и не сводил со свертка преисполненного отвращения взгляда.

— Древний Тосан?

Высокий худощавый древний продолжал буравить младенца глазами.

— Дитя, Содар, — произнес Тосан. — Да ведь это сын Кеоса.

— Что?

Тосан протянул сверток священнику.

— Этот ребенок, — повторил он, поднимая край одеяла, — сын Кеоса.

Сердце Содара сжалось от ужаса. Он успел заметить, что у малыша ярко-голубые глаза — знак милости бога Одара, — но никаких признаков того, что мальчик — сын Кеоса, не увидел. Макушку новорожденного покрывал светло-каштановый пушок, и в целом это был самый обычный младенец. Содар нахмурился и уже собрался объявить Тосану, что тот чудовищно заблуждается, как вдруг ребенок зашевелился и из свертка показались крохотные ручки.

Точнее, всего одна ручка.

— О боги... — пробормотал Содар.

Тосан снова прикрыл младенца одеялом.

— Эген его выносила. Она была сосудом Кеоса, а сосуды Кеоса надлежит разбивать.

Лана кивнула, соглашаясь с мужем. Содар перевел взгляд с окровавленных рук женщины на мертвое тело — и лишь теперь увидел, что под головой Эген расплзается темно-красное пятно.

«Они убили ее, — пронеслось у него в голове. — Они убили Эген, и я позволил этому случиться».

— Убери это чудовище с глаз моих, — приказал Тосан, передавая сверток Лане. — Ты знаешь, что с ним делать.

Знающая поклонилась, и длинные каштановые косички, висевшие за спиной, упали ей на плечи.

— Сыновей Кеоса да пожрут звери Кеоса.

— Удостоверься, что он мертв. Звери Кеоса кормятся лишь с наступлением ночи.

— Древний Тосан, — произнесла Кельга, выступая вперед, — Лана, возможно, предпочла бы вернуться в Академию, к вашей малютке-дочери. Я сама отнесу дитя в лес.

Тосан задумчиво погладил тонкую бородку:

— Лана?

— За Маюн присмотрят ученицы, — ответила та. Вытерев руки об одеяло из овчины, в которое был завернут младенец, она обмакнула сверток в лужу крови на полу. — Но спутник мне не помешает.

Тосан кивнул.

— Чаща — злое место и коварное место. Хорошо, если будет с кем разделить тяготы ночного бдения.

Он снова перевел взгляд на окровавленный сверток в руках Ланы, затем тщательно вытер ладони о свой черно-серый плащ.

— Отец — тоже сосуд Кеоса, — проговорил древний. — Дождитесь, пока его свяжут, а после отправляйтесь в лес.

Туор. Содар знал, что кузнец сейчас снаружи, ждет, когда ему вынесут его первенца. *Нельзя бросать его на произвол судьбы... но их обоих мне не спасти.*

— Прости, что побеспокоил тебя, Содар, — сказал Тосан, приподнимая полог шатра. — Сегодня благословлять некого. — И, перенеся ногу за порог, добавил: — Думаю все же, что тебе следует остаться. Пусть люди увидят, как их священник разобьет сосуд Кеоса. Им это нужно.

Содар опустил глаза, всеми силами пытаясь сохранить самообладание.

— Прошу простить меня, древний Тосан, но я вынужден отказать от этой чести. Силы уже не те, что прежде.

Древний, явно не удивленный таким ответом, что-то проворчал и вышел. Кельга фыркнула и принялась собирать одеяла, лежавшие кучей на родильном ковре Эген. Тут же снаружи раздались крики Тосана, перекрывающие ропот толпы. Скорые руки убрали подпорки шатра, стены его рухнули, и на Содара и знающих, стоявших внутри, хлынул солнечный свет. Несколько человек начали скручивать полосы ткани, составлявшие стены шатра; мгновение — и взорам собравшихся предстала мертвая Эген.

— Эген? — Глаза Туора, стоявшего совсем близко, расширились от ужаса. — Эген! — Он бросился к жене, схватил хрупкое обмякшее тело и прижал к себе. — Эген, Эген... — повторял он, не веря в страшную правду, доказательство которой держал в руках.

За спиной кузнеца уже появился Тосан в сопровождении Винзора, старейшего из древних, и полудюжины мастеров из Академии. Мастера-аватары были одеты в свои кроваво-красные туники, а Винзор — в черно-красную, с шевронами, мантию главы Академии.

— Свяжите сосуд Кеоса, — распорядился Винзор. — Свяжите и разбейте. Не допустим, чтобы скверна его расплескалась по нашей земле.

Туор поднял голову, ища глазами ребенка, которого последние девять месяцев носила его жена. Он успел заметить овечье одеяло в руках Ланы, но в ту же секунду знающую загородил собой Содар.

Несколько секунд кузнец и священник смотрели друг другу в глаза, и во взгляде Содара читалось то, чего он не имел права произнести вслух.

Ему не причинят вреда. Обещаю. Я спасу его.

И Туор, хотя его переполняли горе и ярость, казалось, все понял. Еще секунду назад этот сильный, крепкий мужчина был готов насмерть биться за своего сына — теперь же он вверял жизнь и судьбу малыша Содару.

А затем на кузнеца набросились мастера-аватары. Туор сопротивлялся до тех пор, пока ему не удалось бережно опустить тело Эген на землю, а после резко выпрямился — и несколько человек, вцепившиеся в него, полетели в разные стороны. Содар и две знающие жены отступили подальше от толпы. Остальные аватары кинулись на подмогу, повалили Туора и связали ему руки и ноги прочными веревками. Но ни раны, ни путы не могли остановить кузнеца: яростно отбиваясь, он полз и полз вперед, к телу своей бездыханной жены, а когда оказался рядом с Эген — свернулся кольцом вокруг нее, словно в попытке оградить любимую от неминуемой участи.

Содар ничем не мог помочь другу. Но эту жертву Туор принес во имя жизни своего сына, которого он, Содар, поклялся защищать, поэтому все внимание священника сейчас было при-

ковано к свертку в руках Ланы. Когда знающие отделились от толпы, Содар незаметно последовал за ними. Как только они дошли до края площади, до них донесся дребезжащий голос старейшего Винзора, но, как бы старик ни старался, перекричать толпу ему оказалось не под силу. И тогда раздался зычный бас Тосана.

— Сын Кеоса родился среди нас! — гремел древний. — И мы знаем, что должны делать! Сынов Кеоса пожирают звери Кеоса, но обязанность разрушить сосуд Кеоса — нет, не обязанность, а честь! — выпала нам!

Толпа ответила одобрительными возгласами, и Содар остановился. Он знал, что увидит, если оглянется. Ему уже столько раз приходилось на это смотреть!.. Крестьяне наберут камней, и тут же начнется Разрушение.

Лана с Кельгой уже покинули площадь и шли через деревню на восток. Содар вновь последовал за ними, держась на таком расстоянии, чтобы не вызывать подозрений. Толпа за его спиной торжествующе ревела, заглушая крики Туора.

— Изничтожим скверну! — проорал кто-то.

— Отродье Кеоса! — подхватил другой.

— Кру-ши кос-ти! Кру-ши кос-ти! — хором рычала толпа.

Содар заставил себя сдвинуться с места и зашагал вперед, стараясь не обращать внимания на отдельные голоса и не думать о том, кому они принадлежат. Вскоре это уже не составляло труда, потому что все они слились в сплошную смертоносную какофонию за его спиной, и тогда-то до его слуха донесся совершенно новый звук, пронзительный и настойчивый. Это плакал младенец — от голода, страха и одиночества.

Потерпи немного, малыш. Я уже близко.

Лана неподвижно лежала на краю прогалины и, дыша глубоко и размеренно, делала вид, будто крепко спит. Справа от себя она видела Кельгу: согбенный силуэт старухи чернел на фоне усыпанного звездами неба. Она бродила туда-сюда, то и дело бросая взгляд на сверток, лежащий у зарослей терновника, но Лану беспокоило не это — старуха явно нервничала.

Поначалу она думала, что женщина попросту хочет ей помочь. Оно и понятно: Лана родила дочь всего месяц назад — слишком короткий срок для знающей, чтобы возвращаться к обя-

занностям повитухи. Но, пусть ее организм и не окончательно оправился после родов и для жатвы она оставалась еще слишком слаба, на то, чтобы проследить, как погибнет сын Кеоса, сил ей вполне хватало. Все, что от нее требовалось, — дожждаться, когда явятся звери Чащи, привлеченные криками младенца и запахом крови, пропитавшей его одеяло.

Однако Кельга настояла на том, чтобы пойти в лес вместе с ней, и это было более чем странно. Не потому, что Кельга старая и немощная — эта карга совершала ритуалы, от которых остальные знающие падали в обморок, — но потому, что Кельга — эгоистичная одиночка, которой ни до кого нет дела. Может, из-за ее скверного нрава знающая госпожа Кьяра и отстранила ее от жатвы?

Как бы то ни было, Кельга предложила сопровождать Лану и даже вызвалась первой нести караул. Лана пыталась отказаться, но спорить со старухой оказалось делом безнадежным.

Однако Лана не заснула. На лес опускалась ночь, и чем темнее становилось, тем беспокойнее вела себя Кельга. Наконец старуха замерла, привалившись к дереву. Лана, укрытая толстыми одеялами, дрожала от холода.

Время шло. Облака не спеша проплывали над лесом, и Лану охватил безотчетный страх. Что-то было не так. Она затаила дыхание, прислушиваясь к звукам Чащи. Силуэт Кельги почти слился с темнотой. Лана не могла понять, чего именно она боится, поэтому сделала то, что всегда делала, когда ей было страшно: она приготовилась. В одной руке она сжала грибные споры, в другой — свой нож для жатвы, тот самый, что вонзила в череп Эген.

Вдруг она услышала тихий хруст веток и шелест листьев — кто-то подкрадывался к ней сзади. Тут до Ланы дошло, что Кельга на прежнем ее месте больше нет.

— Зачем прикидываешься, будто спишь?

Повисла тишина.

— Потому что чую смерть, — чуть слышно ответила Лана.

— Страхиться того, чего не понимаешь, — это мудро, — прокаркала старуха. — Но смерти никому из нас не миновать.

— Так ты пришла для того, чтобы ускорить мою?

Карга скрипуче рассмеялась, и Лану затрясло от страха. Она приготовилась к нападению.

— Зря ты не позволила мне забрать ребенка, — прокрипела Кельга.

Лана переменяла положение тела. Она несколько мгновений размышляла над словами старухи — и вдруг все поняла.

— Так ты — дочь Кеоса. Прислужница смерти. Значит, слухи о расколе... все это правда.

— Я не прислужница, — спокойно ответила Кельга. — Смерть — моя тень. Он следует за мной повсюду. И сейчас он здесь, чтобы забрать дитя.

Мальчик уже не плакал, — видимо, усталость наконец взяла свое и он заснул. Лана бросила взгляд туда, где он лежал.

— И тебя.

Кельга нанесла удар с такой силой и быстротой, что Лана едва успела отпрыгнуть в сторону. Клинок, направленный ей в грудь, вошел глубоко в плечо. Лана извернулась и бросила Кельге в лицо зажатые в кулаке споры.

Старуха завизжала и отшатнулась, царапая щеки и глаза костлявыми пальцами. Но споры быстро сделали свое дело, и через несколько секунд она затихла. Лана с трудом поднялась на ноги и, спотыкаясь, побрела в центр поляны. Кельга больше не опасна — споры, попавшие ей в горло, мгновенно прорастут, забьют трахею, и старуха задохнется, — так что можно осмотреть рану, благо ночь лунная.

Рана оказалась глубокой, к тому же нож пропорол мышцы, когда Лана рванулась от лезвия прочь. Если кровь не остановить — до дома не дойти. Зажав зубами одеяло, Лана одной рукой оторвала от него полосу ткани и начала перевязывать рану.

— Всегда настороже? Похвально, — прохрипела Кельга.

Лана обернулась. Старуха ползла по залитой лунным светом поляне. Губы знающей были измазаны рвотой, но дышала она свободно. Лана просчиталась: споры попали не в горло, а в глаза, которые стали такими же снежно-белыми, что и волосы старухи. Лана отошла на несколько шагов назад, но поняла, что даже сейчас спятившая карга все равно за ней следит: пусть глаза она и лишилась, но слух ей служил по-прежнему исправно.

— Ты всех нас предала, Кельга, но теперь ты слепа. И зелье, которым были помазаны твои глаза, чтобы ты могла видеть Шаненбалу, теперь не поможет. Ты никогда не вернешься в деревню.

Кельга издала смешок, похожий на кудахтанье.

— Я и не думала возвращаться. — Ее треснувший голос звучал громче. — Я всю жизнь ждала это дитя и не собираюсь оставлять его в вашей паршивой деревушке.

Держа нож перед собой, она подползла ближе.

Лана начала пятиться, отступая в том направлении, где лежал ребенок. Что бы ни было у Кельги на уме, старуха желала сохранить жизнь сыну Кеоса и не стала отрицать, что и сама она дочь Кеоса. Надо покончить с этим младенцем во что бы то ни стало.

«Если я его убью, — думала она, — все ее планы пойдут прахом, а я убегу».

Это был самый верный путь. Лана не хотела драться со старухой — пусть та слепа, но у Ланы сейчас всего одна рука, к тому же неизвестно, на что еще способна эта старая карга.

Однако Кельга разгадала ее намерение и рванулась вперед, намереваясь ей помешать. Лана оказалась проворнее. Она занесла нож и со всей силы вонзила его... в землю.

Знающая огляделась, ища глазами сверток, но его нигде не было.

А в следующее мгновение на нее с пронзительным визгом кинулась Кельга, размахивая изогнутым ножом перед самым ее лицом. Лана отклонилась назад, чтобы избежать удара, но тут карга свободной рукой толкнула ее в грудь, и Лана упала в гущу терновника. Десятки черных кривых шипов пронзили ее бедра, спину и руки. Лана дернулась, пытаясь высвободиться, но лишь еще больше двухдюймовых игл впилося в ее тело, не давая пошевелиться. Женщина взвыла — от боли, злости и страха, но вой прервался надрывным кашлем, а на губах выступила кровавая пена.

Кельга, словно тень, медленно приблизилась, шаря рукой впереди себя, пока не нащупала терновый куст. Белые глаза уставились в небо, ухо она повернула к Лане. Издав довольный смешок, старуха наклонилась, чтобы поднять с земли сверток, — но руки встретили пустоту.

— Что ты с ним сделала? — взревела Кельга. Она крутила головой по сторонам, как будто пыталась найти младенца шестым чувством. — Куда подевался сосуд?

Лана хотела рассмеяться, но вместо смеха из пронзенной груди снова вырвался хриплый кашель. Она плюнула в старуху кровью и прорычала:

— Его забрал Кеос. Надеюсь, ты следующая.

— Есть более страшные способы умереть, чем истечь кровью, повиснув на кусте терновника, — прорычала Кельга. Она вытянула руку, и острое ножа уперлось женщине в грудь. — Куда ты девала младенца? — требовательно спросила слепая и начала ввинчивать лезвие в плоть.

Лана закричала.

И тут из темноты вынырнул тяжелый посох. Он опустился старухе на спину, и карга повалилась на колени. Она завывала, обернулась и выбросила руку вперед, намереваясь достать нападавшего.

— *Басайх!* — выкрикнула она, рассекая воздух скрюченными когтистыми пальцами.

Посох, сверкнув серебром, снова исчез во тьме. Лана моргнула, пытаясь рассмотреть своего спасителя, и едва не лишилась дара речи, когда на поляну вышел деревенский священник.

— Содар? — неуверенно спросила она.

И тут увидела у него в руках овечьё одеяло.

— Что... что ты делаешь?

Священник, держа посох наготове, направился к Кельге, которая съезжилась на заросшей клевером поляне. Едва Содар подошел достаточно близко, та метнула в него нож. Молниеносным движением посоха Содар отбил направленный ему в живот клинок и ударил старуху по голове. Кельга скрючилась на земле, и жрец снова поднял посох, приготовившись на сей раз размозжить старухе череп. Но та больше не шевелилась. Содар помедлил, затем опустил свое оружие и повернулся к Лане. Внутри овечьего свертка запищал треклятый младенец.

— Поторопись, — тяжело дыша, проговорила Лана. — Ты должен помочь мне покончить с сыном Кеоса и предупредить Академию. В круг знающих проникли дочери Кеоса.

Священник даже не шелохнулся. Его глаза были холодны и суровы.

— Не в том ты положении, чтобы приказывать, Лана бан Тосан. — Он бросил взгляд на старуху, лежащую без сознания. — Ты сказала, Кельга не сможет вернуться в Шаенбалу.

Лана кивнула и закашлялась, харкая кровью.

— Но это не так, — продолжал Содар. — Ей лишь нужен провожатый.

Лана судорожно втянула ртом воздух и прохрипела:

— Кто же поведет ее назад в деревню? Она хотела спасти сына Кеоса!

— Поэтому я и оставляю ей жизнь. — Священник снова вернулся к Лане. — Но вот ты... Ты убила бы мальчика не задумываясь, как до этого убила Эген. — Содар покачал головой, и его длинная седая борода коснулась лица ребенка. — Если Кельга не найдет дорогу в деревню, значит бояться нечего. Если Одару будет угодно, ей даже удастся выбраться из Чащи до того, как звери ее учуют. Но ты — ты совсем другое дело. Если я сохранию тебе жизнь, и я, и младенец обречены.

Мир перед глазами Ланы начал размываться, и она часто заморгала, пытаясь сфокусировать зрение; изо рта струйкой потекла кровь. Мысли разбежались, тело стало как будто чужим.

— Я боялся, что придется тебя убить, — произнес священник. — Но Кельга сделала это за меня.

Он не сводил с нее спокойных серых глаз. Ей стало холодно. Она вдруг со всей ясностью осознала, что умрет здесь — и больше никогда не увидит мужа и дочь. Ее обмякшее тело запрокинулось назад, и шипы еще глубже впились в плоть, на сей раз не причинив никакой боли.

ЧАСТЬ I

Век спустя после смерти Маяхлая Обманщика, в тридцать первый день третьего месяца, решено было богами и людьми отпраздновать изгнание зла из Лукватры. Кеос, видя, как радуются люди, готовящиеся к празднеству, сказал Люмее и Одару, что им троим следует спуститься к их детям и праздновать вместе с ними.

Но Одар, старейший и мудрейший из троих, рассудил, что людям вмешательство богов ни к чему и богам надлежит принести друг другу дары на следующий день. Так было положено начало Регалею, празднику обмена дарами.

Когда оставалось два дня до празднества, Кеос, пребывая в глубоком раздумье, пришел к Одару. Тот, видя, как печален младший брат, спросил, что его гложет.

И ответил Кеос:

— Я не знаю, чем порадовать нашу сестру. Какой дар достоин той, что держит в своих ладонях солнце? Все на свете нуждается в ее благосклонности, она же ни в чем не имеет нужды.

И сказал ему на это Одар:

— Разве не радуется мать, глядя на детей своих? Одарим же ее тем, что она разделит с поклоняющимися ей.

Кеос счел мудрыми слова брата и спросил:

— Готов ли у тебя дар для нашей сестры?

И Одар ответил:

— Нет, ведь я не владею никаким ремеслом, чтобы его создать. Но должно быть, это суждено тебе, ведь ты искусен во всех ремеслах. Я задумал подарить Люмее глиняную флейту, ведь и она, и чада ее любят петь и танцевать.

И от слов этих преисполнился Кеос радостью, ведь то была истина: он действительно обладал благословенным умением придавать форму каждой вещи, и называлось оно *т'расанг*. Подвластны были ему глина и камень, дерево и железо, кость и кровь. Так Кеос с Одаром решили совместно одарить сестру свою Люмею.

Но вернулся Кеос, бог *т'расанга*, в свою кузницу в Тор-Куме, и овладело им сомнение: слишком груба, по его разумению, была глина и не годилась для прекрасной флейты. И потому вместо глины взял он чистейшее золото, добытое из самых глубоких жил, и выковал из него флейту для Люмеи.

Увидел Одар, что брат его ослушался, но не стал гневаться и благословил золотую флейту.

За день до праздника пришла к Кеосу Люмея и спросила его, какой дар преподнести брату их Одару. И Кеос, помня мудрую речь Одара, спросил сестру:

— Разве не радуется отец, глядя на детей своих? Одарим же его тем, что он счастлив будет разделить с поклоняющимися ему.

И спросила Люмея:

— Какой же дар преподнести нам нашему брату? Ведь на свете нет его мудрее, и дети его во веки веков обласканы его милостью.

И ответил ей на это Кеос:

— Долго ходил я среди наших детей, многое видел из сотворенного ими и детьми Одара. И нашел я дар, достойный нашего брата: посох, что передается старейшему в знак его мудрости и королю — в знак его власти.

И Люмея согласилась с братом:

— Одарим же Одара посохом, ибо разве бог не король среди своего народа? И разве не мудрейший он из всех? И дети его будут также владеть этим посохом и будут знать, что Одар к ним милостив.

Так Люмея с Кеосом решили создать посох для Одара.

Люмея пожелала, чтобы посох был сделан из дерева, ибо милы ей были леса Лукватры с цветущими вишнями и могучими дубами, а дети ее любили танцевать на лесных полянах. Но пришел Кеос в свою кузницу — и вновь овладели им сомнения и страхи: а ну как рассердится Одар, когда увидит, что дар Люмея из золота, а его — из дерева? И потому вместо дерева взял он чистейшее серебро, добытое из самых глубоких жил Лукватры, и выковал из него посох.

Увидела Люмея, что брат ослушался ее, но не стала гневаться и благословила серебряный посох.

И вот настал день, когда боги должны были обменяться дарами.

Решили они, что первой получит свой дар Люмея. Выступили вперед Кеос с Одаром и подарили сестре своей золотую флейту. Когда увидела богиня прекрасный инструмент и почувствовала силу братьев в нем, слезы радости хлынули из глаз ее. Тогда поднесла она флейту к губам и заиграла мелодию столь чарующую, какой еще не слышала земля. С радостью, страстью и любовью ко всему сущему играла Люмея, вкладывая душу и сердце во флейту. И, наполнившись *дивным светом — люменом*, засияла флейта в ее руках, и все, кто услышал мелодию, навсегда остались очарованы ею.

Но вот замолчала флейта, и Люмея поблагодарила братьев за чудный дар, что преподнесли они ей и ее детям.

Пришел черед Одара получить свой дар. Увидел он серебряный посох, приготовленный для него Кеосом и Люмеей, и преисполнился

смирения пред величием дара. Принял он посох из рук брата и сестры, ощутил силу, заключенную в нем, и остался доволен.

— В посохе моем чувствую я силу Кеоса и любовь Люмеи, так пусть же будет в нем и моя добродетель.

Сказав так, поднял Одар посох и призвал силу *квair* — саму душу воздуха, воды и льда. И когда свершил то, что задумал, серебряный посох засиял сильнее, чем чистейшее серебро, из которого Кеос его выковал.

И сказал тогда Одар брату и сестре:

— Посох сей я дарю детям своим, чтобы помнили они о мудрости и справедливости. Пусть знают, что милость Одара не покинет их.

Кеос и Люмея остались довольны.

Пришел черед Кеоса получить свой дар. С великой заботой положил Одар посох на землю и снова сел рядом с сестрой. Люмея же встала перед братьями, разомкнула уста, и полилась из них песнь. Говорят, никогда еще на земле не слышали песни столь прекрасной, и не способен язык человеческий произнести слова, что пела Люмея Кеосу, как и никому из людей вовек не испытать того счастья, что наполнилось в душе от песни Люмеи.

Вот прекратилась песнь, и Люмея взглянула на Кеоса, ожидая его одобрения. Но брат ее словно окаменел, и не было на его лице ни радости, ни жизни, ни любви. Печален и хмур сидел Кеос, не желая верить, что это и есть дар для него. Разгневанный, обратился он к брату и сестре:

— И это все, что вы приготовили для меня?

И ответила Люмея:

— Это наш дар тебе.

И Кеос впал в ярость и сказал:

— Не жалея сил, трудился я над дарами для вас, брат и сестра. Я вгрызлся в самые недра земли, чтобы добыть бесценные металлы, и в поте лица работал в кузнице своей, чтобы вы остались довольны. А взамен вы одарили меня лишь песней?

Тогда выступил вперед Одар и молвил:

— Нет, брат, это не простая песня. Я долго трудился над ней, и каждое слово в ней — священное слово силы; и твоя сестра трудилась над ней, и потому мелодия оживляет сердце и просветляет разум. Это и есть наш дар тебе, и по ценности своей не сравнится он ни с золотом, ни с серебром.

Но Кеос, охваченный гневом, покинул место веселья и отстранился от брата и сестры. С тех пор и говорят: остерегайся даров, ибо они приносят несчастье.

О первом Резалее. Из Книги Одара

Возвратившись в кузницу в Тор-Куме, Кеос предался скорби и не находил себе утешения. Тогда спустился он к самому ядру Лукватры, в жажде найти металл, что ценнее самого золота. И в недрах гор, в глубочайших безднах нашел Кеос остатки от руды *аклумеры* — элемента, из которого был сотворен мир. Он был и огнем, и льдом, и водой, и металлом, и трое старших богов возникли из него, и из него сотворили они Лукватру.

И принес Кеос аклумеру в свою кузницу, и выковал себе орудие, которое желал больше всего на свете, — молот, ибо величайшую радость испытывал бог при творении вещей — т'расанге. И дал он молоту имя — Длань Кеоса, ибо вложил в него свою огромную силу.

Много веков миновало с первого Регалея, и не видели народы Лукватры от богов ничего, кроме милости. Но дариты и илюмиты, а с ними и терранцы возгордились собою, и каждый стал возносить свой народ выше остальных, и не стало среди людей согласия. Начали они возводить королевства и выбирать королей, и так начался второй век, называемый Веком королей.

Увидев это, Одар и Люмея спустились к своим детям и принялись наставлять их, призывая к скромности и миролюбию. И каждый отныне получал милости богов по заслугам его. И многие илюмиты и дариты получили флейту Люмеи и посох Одара и стали называться «далта», что значит «младшие боги», ибо владели предметами богов и были наделены божественной силой.

Терранцы же на протяжении долгих веков не получали от своего бога наставлений, ибо Кеос по-прежнему был охвачен гневом. И люди стали воинственны, свирепы и склонны к похоти. Не мирные орудия ковали они, но оружие и броню, и украшали себя прекрасными одеяниями и драгоценностями. И когда наконец Кеос покинул Тор-Куму и взглянул на труды своих детей, то вовсе не рассердился, а возликовал. И стал он благословлять тех, кто был наделен силой и красотой, одаривая милостью бесстрашных в бою и пылающих страстью.

Миновало много лет; да, шесть веков кануло со дня первого Регалея и семь веков — с того дня, когда из Лукватры был изгнан Маяхлай, воплощение первозданного хаоса.

Падение Кеоса. Из Книги Одара

Глава 1

— **А**ннев! Пора вставать.
Аннев сонно перевернулся на другой бок, но тут же получил ощутимый тычок под ребра.

— Ох, больно же!

— Подымайся, — грозно прошипел Содар и снова ткнул мальчишку концом посоха. — На учебу опоздаешь.

Аннев вылез из-под горы одеял.

— Да встаю я, встаю!

Он спрыгнул с кровати и невольно вздрогнул: пол оказался ледяной. Аннев потянулся и, все еще дрожа, вдохнул тяжелый запах пота, соломы, сырой земли и корицы. Мальчик наморщил нос и зевнул.

Ставни были закрыты, и единственным источником света служила свеча, стоявшая на полу за дверью его спальни. Когда глаза привыкли к темноте, Аннев увидел перед собой священника с посохом в руке.

— Ну же, пошевеливайся! — рявкнул Содар. Но, поглядев на дрожащего паренька, смягчился и добавил: — В часовне можешь не убираться. Хорошо еще, если умыться успеешь.

Аннев широко ухмыльнулся:

— Успею!

Он откинул крышку стоявшего у кровати сундука и вынул из него засаленную тунику и такие же штаны. Когда-то небеленая ткань была светлой, почти белой, но теперь ее цвет напоминал скорее коричневый.

— Надеюсь, — сказал Содар и махнул рукой на дверь, приказывая поторопиться. — Вода, плита, чайник. А после...

— Да-да-да, — перебил его Аннев, натягивая штаны. — Проверить ловушки и прибраться в часовне. Каждый день одно и то же.

— Почти каждый день, — поправил его Содар.

Аннев поднял голову и перехватил взгляд старика.

— Сегодня первая ночь Регалея. А завтра — день Испытания. Последнего Испытания. — Старик тяжело замолчал, многозначительно глядя на мальчика.

Аннев ответил серьезным взглядом.

— Я помню.

— Вот и хорошо, — кивнул Содар. — Тогда поторапливайся. Я приготовлю бурдюки для воды. Как только выйдешь из комнаты — начинаю считать.

И священник ушел.

«Последнее Испытание суда, — думал Аннев, завязывая веревки на поясе штанов. — И мой последний шанс».

Завтра начинается Регалей — праздник наступления весны, который продлится три дня. А значит, завтра у Аннева и остальных мальчишек его сбора последняя возможность заработать титул аватара.

Аннев прикинул в уме свои шансы — и печально вздохнул.

В конце каждого месяца Академия устраивает испытания для служителей веры, и победитель — а он может быть только один — становится аватаром суда. Класс Аннева уже четырнадцать месяцев участвовал в испытаниях, но заветный титул удалось получить меньше чем половине ребят. Их было бы больше, вот только новоиспеченные аватары не отстранялись от следующих испытаний и участвовали в них на равных с остальными.

«Это ведь нечестно, — в который раз возмутился про себя Аннев. — Особенно если учесть, что наш сбор — самый многочисленный из всех, какие только бывали в Академии».

Аннев затянул пояс туники, сунул ноги в мягкие кожаные башмаки и, завязывая шнурки, вспомнил своих друзей: тощего паренька по имени Терин и пухлого коротышку Титуса. Оба еще ни разу не побеждали в испытаниях, и при мысли об этом Анневу стало совсем паршиво: им троим, лучшим друзьям, придется соперничать друг с другом. Хотя, если подумать, какие из

этих двоих соперники? Терин — прекрасный вор и жулик, но никак не боец, а про Титуса и говорить нечего. Он попал в Академию позже и был почти на два года младше остальных. В класс Аннава его перевели потому, что он проявлял необычайные таланты в области истории, земледелия, арифметики и прочих дисциплин, не имеющих отношения к боевым искусствам. Вот только для перевода в старший класс существовало жесткое условие: если Титус не пройдет Испытание суда вместе с одноклассниками, не видать ему выпуска как своих ушей.

Нет, его не отчислят — из Академии еще никого не выгоняли, — но отныне ему будет запрещено даже думать о том, чтобы стать мастером-аватаром. Он, как и многие до него, станет стюардом, а это, как считал Аннев, самое страшное наказание: стюардам закрыт путь к титулу древнего, они не могут обучать служителей, не могут жениться. Удел этих несчастных — быть на побегушках у мастеров и древних и слепо выполнять любое задание, которое взбредет в голову мастеру расчетов.

Но и это еще не самое страшное: когда аватары становятся мастерами, их посылают на поиски артефактов, а если ты стюард — забудь о мире за пределами деревни. Всю оставшуюся жизнь ты проведешь в Шаенбалу.

Жаль их всех, и особенно жаль Маркоя, который целыми днями сидит в Проклятом хранилище, помогая мастеру Наруху записывать артефакты. Несколько лет назад в Шаенбалу разразилась эпидемия чумы, которая не обошла стороной и Академию: много погибло и старших учеников, и знающих жен, и мастеров-аватаров. Маркой оказался одним из тех немногих заразившихся, которым посчастливилось выжить. Но увы: когда проводились Испытания его сбора, он еще не оправился после болезни, а когда наконец выздоровел — оказалось уже слишком поздно.

Аннев надел черные перчатки и внимательно их осмотрел: левая уже заметно поизносилась. Он пожал плечами, снял ту, что выглядела поновее, и швырнул ее в сундук, а поношенную натянул до локтя. Можно было бы надеть и обе, но мастера и древние уже привыкли к тому, что он часто является на занятия всего в одной перчатке, а потому и так сойдет.

Колл Дж.

К 61 Молчаливые боги. Книга 1 : Мастер печали : роман / Джастин Колл ; пер. с англ. Е. Клиповой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. — (Звезды новой фэнтези). ISBN 978-5-389-17564-8

Академия, скрытая от внешнего мира в Шаенбалу, веками противостояла магии. Ведь магия опасна: то, что лечит, может и навредить, а сила, которая помогает одному человеку, способна уничтожить другого. Из многочисленных учеников Академии лишь самые опытные и решительные становятся аватарами — охотниками за магическими артефактами, которые следует оберегать от неправильного применения. Выросший в Шаенбалу юный сирота Аннев де Брет отчаянно мечтает стать таким мастером-аватаром. Однако ему приходится нелегко — он не такой, как все, и если об этом узнают в Академии, жизнь его не будет стоить и гроша. Воспитанный мудрым наставником, отрицающим, что магия приносит только зло, Аннев стоит перед трудным выбором: или научиться предавать и убивать во исполнение заветной мечты, или забыть о ней, сохранив верность друзьям и самому себе, или наконец узнать, кто он на самом деле...

Первая книга из цикла «Молчаливые боги».

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

ДЖАСТИН КОЛЛ
МОЛЧАЛИВЫЕ БОГИ
КНИГА 1
МАСТЕР ПЕЧАЛИ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Юлия Зачесова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.11.2020. Формат издания 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-ZNF-26105-01-R